

В САМОМ центре Западного Берлина, на шумной, оживленной площади стоит Кайзеркирха, памятник воинственному кайзеру Вильгельму I, воздвигнутый другим воинственным кайзером — Вильгельмом II. Вероятно, я не стал бы начинать статью рассказом об этой кирхе, если бы не одно воспоминание. В мае сорок пятого мы, несколько военных журналистов, бродя среди развалин поверженного города, добрались по Курфюрстендамму до этой кирхи. Ее верхушка была срезана взрывной волной, двери завалены обгорелым железом и битым кирпичом, а в стенах зияли огромные дыры, сквозь которые виднелись мраморные скульптуры кайзера — в виде то грозного карающего рыцаря, то мудрого пастыря. И вот спустя десятилетия я снова очутился у стен кирхи. Ее не стали восстанавливать. В этом, наверное, было нечто символическое. Пусть руины напоминают о минувшей войне, о суровых уроках истории, о крахе кайзеровской (и гитлеровской, разумеется, тоже) Германии.

На ступеньках кирхи лохматые парни разрисовывали себе грудь и руки розовыми цветочками или дремали, водрузив на голые животы включенные транзисторы. В другом конце площади, где расположились автофургончики цирковой труппы из Мюнхена, гимнаст в белом трико поднимался по туго натянутому стальному тросу на крышу 15-этажного здания какой-то торговой конторы. Другой, в красном сверкающем шлеме, везжал туда на мотоцикле. Третий... третий кувыркался под колесами мотоцикла на трапедии, пока их товарищи по головоломному ремеслу собирали в толпе ахающих зрителей марку и пфенниги — плату за страх. В ультрасовременном молитвенном зале из толстого синего стекла начиналась воскресная служба. Прихожане вступали в таинственный полумрак под бравурный марш воздушных гимнастов, доносившийся с улицы, под дребезжание шарманки и поэзьявание бесчисленных колокольцев, которыми старуха-шарманщица, не скупясь, украсила погорного ослика, запряженного в ее тележку.

Площадь шумела, развлекалась, молилась. Похоже было на то, что в пестрой ярмарочной суете и суете давным-давно стерлась, позабылась символика старой разоренной кирхи, и ее живописные руины воспринимались скорее как красивая декорация, чем памятник войны.

...Прошлое по-разному напоминает о себе в Западном Берлине. Чья-то невидимая рука малюет на стенах домов паучью свастику и старые нацистские лозунги. На собраниях молодых антифашистов гневно осуждают реваншистские вылазки. В витринах книжных магазинов выставлены мемуары бывших гитлеровских генералов и объемистая биография фюрера. Вблизи границы с Восточным Берлином у памятника советским воинам лежат букеты красных роз...

Я ездил в Западный Берлин на 27-й международный кинофестиваль и, естественно, ответ на многие вопросы искал в дни фестиваля на экране западноберлинского кинотеатра «Цоопаласт», где демонстрировались фестивальные программы. 32 года прошло с момента окончания войны, а фильмы о войне, о сопоставлении фашизму остаются в числе самых злободневных и животрепещущих, вызывая, пожалуй, самые жаркие дискуссии.

Начну с негативного примера. Мне уже довелось писать в «ЛГ» о фильме Иохима Феста «Гитлер — история карьеры». Добавлю несколько слов. Лет десять назад французы поставили документальный фильм, озаглавленный полемически броско — «Гитлер?.. Такого не знаю!». Это был своеобразный фильм-исследова-

ние, фильм-анкета. Его авторы с тревогой размышляли о том, что 11 юношей и девушек, чьи интервью были включены в фильм, так мало слышали о минувшей войне и фашизме, что при имени «Гитлер» лишь равнодушно пожимали плечами: «Гитлер?.. Такого не знаю!» Но если сегодня, другие юноши и девушки, только что посмотревшие фильм о Гитлере Иохима Феста, скажут: «Гитлер?.. Такого не знаю!» — какой от этого будет прок? Ведь Гитлер,

Б. ГАЛАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЖИВЫЕ И ПРИЗРАКИ

Заметки с международного кинофестиваля в Западном Берлине

которого они узнали, перелицован, выглажен и основательно подчищен.

На форуме молодого кино демонстрировался фильм режиссера Теодора Котуллы (ФРГ) «Из жизни одного немца». Один немец — это Франц Ланг, комендант фашистского лагеря уничтожения. А если раскрыть псевдоним — Рудольф Гесс, ставленник Гиммлера, комендант Освенцима. После разгрома фашистской Германии он скрывался под именем Франца Ланга, но был разоблачен, выдан полякам и в 1947 году казнен. Навряд ли фильм Котуллы вызовет сенсационную шумиху. Ланг — Гесс все-таки не Гитлер. Но оба фильма выражают общую тенденцию. Фильм о Гессе — попытка обелить еще одного нацистского преступника, дать психологическое объяснение его поступков и «заблуждений». Палач, на совести которого тысячи и тысячи жертв, сам представлен жертвой обстоятельств, послушным исполнителем чужой воли, человеком страдающим, но, увы, привыкшим беспрекословно повиноваться приказам начальства. — коротко говоря, фигурой почти драматической. А он был всего-навсего правовединшим нацистом и деловито, без всяких угрызений совести подсчитывал пропускную возможность новых газовых камер, сконструированных немецкой промышленной фирмой «Топф». И так организовал дело, что еще и умножил эффект газовых камер.

ОБЗОР конкурсной программы фестиваля начну с фильма Конрада Вольфа «Мама, я жив» (ГДР). Это была встреча с качественно иным кинематографом, с произведением иного масштаба, иного социального звучания, с бескомпромиссным отношением к фашизму и его идеологии.

Собственно говоря, фильму «Мама, я жив» можно было бы дать подзаголовок «Из жизни четырех немцев». Из жизни четырех военнопленных, которые начинали войну солдатами гитлеровской армии, а закончили ее антифашистами. Трое из них погибли, выполняя боевое задание советского командования. Но до этого все они пережили мучительные часы сомнений, раздумий, колебаний, потому что принять окончательное решение им было, наверное, не менее трудно, чем идти в тяжелый бой.

И для зрителей, скажем прямо, это тоже был трудный фильм. На пресс-конференции режиссера спрашивали: «Могло ли такое случиться, что немцы стреляли в немцев?» Я думаю, спрашивали не только люди с короткой памятью, которым хотелось напрочь позабыть, вытряхнуть из головы суровые уроки истории. Спрашивали и молодые, те, что не пережили

трагедию минувшей войны, а знания о ней получили искаженные, урезанные. Но разве Гитлер не расстреливал немцев? А сколько убитых соотечественников числилось в послужном списке Ланга — Гесса? Были немцы — фашисты и антифашисты. Здесь проходила черта. Фильм Конрада Вольфа об этом — о немцах-антифашистах, которые сражались против нацизма. Самый большой и, добавлю, заслуженный успех на фестивале имел фильм советского режиссера Ларисы Шепитько «Восхождение». Ему была присуждена главная премия «Золотой медведь».

На западноберлинскую публику «Восхождение» произвело сильное впечатление. Поразило, что фильм о войне решился снимать женщина, которая сумела, как считали одни, последовательно нарисовать жестокую картину человеческого страдания и, как считали другие — шире, глубже, точнее понявшие замысел автора, — передать необыкновенное мужество Сотникова, для которого фашист-

стов, где верховодят ее сыновья Хосе и Рамиро, два «настоящих» испанца. «Настоящих» — значит фанатичных приверженцев покойного каудильо и смертельных врагов «красных». Третий сын Бланки — Татин — слишком молод. Ему едва исполнилось пятнадцать. Его время пока не наступило. Так думает Бланка. Но маленький «черный выкормыш» сам ожесточенно рвется в драку. Он хорошо усвоил принципы «настоящих» испанцев: «Сумей пожертвовать всем, что любишь». И решив доказать верность банде, безжалостно убивает Розу, молодую, доверчивую женщину, которая трудно живет в этом жестоком мире, плохо его понимает и с которой Татин испытал счастье первой любви.

Вот какой портрет юного неонациста беспощадно нарисовал испанский режиссер. Огромная вина ложится на кинематограф, если реваншистскими фильмами о Гитлере, о фашизме он участвует сегодня в воспитании таких черных выкормышей, подонков.

ПОСЛЕ сеансов в «Цоопаласте» я каждый раз выхожу на площадь с разрушенной кирхой, с воздушными гимнастами, с молодыми скачущими бездельниками.

Рекламный щит зазывает на фильм «Казанова». Не феллиниевский — другой, американский актером Тони Кертисом. Развалившись в кресле, Казанова бесцеремонно разглядывает в лорнет голых девиц, приглашенных к нему на ужин. Что ж, после безжалостных «Черных выкормышей», может быть, кто-нибудь и захочет утешиться «Казановой». У входа в кинотеатр «Сити» — яркая афиша. Солдат американской армии остервенело строчит из автомата. Фильм называется «С дубовыми листьями и мечами». Заглянем в зал. Война бушует в знойной пустыне. Войска союзников сражаются с Роммелем. Американские десантники в немецкой форме захватывают забытый богом маленький поселок, но с кабаном-салундом, с девицей легкого поведения, с выпивкой. Немцы попадают в расставленный капкан. Завязывается кровавая схватка. Ничего не скажешь, лихо сражаются американские парни с фашистами. Ловко, умело. Как в порядочном голливудском вестерне. Но война не вестерн. Все показанное на экране кажется фальшивым, искусственным, оскорбительно ненатуральным. Даже песок. Хотя наверняка фильм снимался в настоящей пустыне.

Народу в зале совсем немного. Подружки рядом со мной, положив ноги на спинки пустующих впереди кресел, громко болтают друг с другом. Происходящее на экране их мало занимает. То ли почувствовали фальшь, то ли просто наскучили военные фильмы. А повышенный интерес к военной теме на фестивале? Может быть, и это временное? Мода на две недели, пока шел фестиваль?

Но вот в кинотеатре «Глорнетта» почти без рекламы третий год, каждое воскресенье, идет документальный фильм «Сражение за Берлин». В зрительном зале — напряженная тишина. Люди затаили дыхание. Бежит по улице мальчик, в ужасе заткнув уши. За его спиной рушится, раскалывается, рассыпается многоэтажный дом. Наш автоматчик бережно поддерживает старика, ковыляющего через развалины (таких кадров я что-то не припомню в фильме Феста). Длинные очереди к нашей походной кухне — дети, женщины, протягивают поматые кастрюльки, плоски, черепки. Впервые за много дней — кусок хлеба и горячая похлебка! А бои за Берлин еще продолжаются. Еще гибнут люди и близко гремит артиллерия. Но уже уходят в прошлое кошмары фашизма.

Если одним словом определить впечатление, которое производит этот фильм, я бы сказал: отрезвление! В Западном Берлине, городе, который поборники «холодной войны» не стремились использовать в своих интересах, особенно остро ощущаешь реакцию зрительного зала — и когда он настороженно, враждебно молчит, отвергая попытки реабилитировать то, что реабилитировать преступно, и когда рукоплещет «Восхождению».

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН — МОСКВА